

DOI: 10.12731/2658-4034-2021-12-5-108-127

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МИГРАНТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.В. Пономарева, Я.Н. Пахомова, Е.А. Евстафеева

Введение. В статье рассматриваются культурно-этнические особенности феноменов «личностная беспомощность» и «самостоятельность» на материале мигрантов из Центральной Азии. Личностные особенности, обуславливая поведение, деятельность и взаимоотношения мигранта, могут способствовать либо препятствовать процессу адаптации и интеграции в принимающее сообщество. Личностная беспомощность/самостоятельность, представляя собой системный феномен, интегрирует в себе особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сфер личности.

Цель: изучить культурно-этнические особенности личностной беспомощности и самостоятельности на материале мигрантов Центральной Азии и граждан России.

Методы и методология проведения работы. В соответствии с целью исследования выборку составили две группы респондентов: мигранты Центральной Азии и граждане Российской Федерации. В качестве методики исследования использовался опросник личностной беспомощности (М.О. Климова, Д.А. Циринг).

Результаты. В ходе проведенного исследования обнаружено, что у граждан России с самостоятельностью дивергентное мышление развито в меньшей степени, чем у мигрантов, которым также присущ более высокий уровень притязаний. Также выявлено, что граждане России с личностной беспомощностью отличаются менее выраженной астенией, большей степенью экстернальности локуса контроля и более низким уровнем притязаний, чем респонденты из Центральной Азии с личностной беспомощностью. Таким

образом, культурные и этнические особенности Центральной Азии обуславливают специфику личностной беспомощности и самостоятельности своих жителей.

Область применения результатов. *Полученные данные позволяют создать базу для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов.*

Ключевые слова: *личностная беспомощность; самостоятельность; мигранты; адаптация; культурно-этнический фактор*

PERSONAL HELPLESSNESS AND INDEPENDENCE OF CENTRAL ASIAN MIGRANTS

I.V. Ponomareva, Ya.N. Pakhomova, E.A. Evstafeeva

Introduction. *The article examines the cultural and ethnic features of the phenomena of “personal helplessness” and “independence” based on the material of migrants from Central Asia. Personal characteristics, determining the behavior, activities and relationships of a migrant, can contribute to or hinder the process of adaptation and integration into the host community. Personal helplessness / independence, representing a systemic phenomenon, integrates the features of the cognitive, motivational, emotional and volitional spheres of the individual.*

Purpose: *to study the cultural and ethnic features of personal helplessness and independence based on the material of Central Asian migrants and Russian citizens.*

Methodology. *In accordance with the purpose of the study, the sample consisted of two groups of respondents: migrants from Central Asia and citizens of the Russian Federation. The questionnaire of personal helplessness was used as a research methodology (M. O. Klimova, D. A. Tsiring).*

Results. *In the course of the study, it was found that Russian citizens with independence have divergent thinking to a lesser extent than migrants, who also have a higher level of claims. It was also revealed that Russian citizens with personal helplessness are characterized by*

less pronounced asthenia, a greater degree of externality of the locus of control and a lower level of claims than respondents from Central Asia with personal helplessness. Thus, the cultural and ethnic peculiarities of Central Asia determine the specifics of the personal helplessness and independence of their inhabitants.

Practical implications. *The obtained data allow us to create a basis for solving applied problems of socio-psychological support for the adaptation and integration of migrants.*

Keywords: *personal helplessness; independence; migrants; adaptation; cultural and ethnic factor*

Введение

Глобальный контекст существования современного общества характеризуется нарушением целостности гуманитарного мира. Это нарушение проявляется, в первую очередь, в массовых миграциях населения. По сведениям Департамента ООН Россия занимает второе место после США в рейтинге миграционных маршрутов. Миграция является важной частью национальной политики отдельных государств, с одной стороны, неотъемлемым компонентом трансформации и модернизации социума, фактором национальной безопасности, демографического и экономического роста, а с другой, фактором напряженности экономических взаимоотношений, межэтнической конфликтности, деформации этнической идентичности принимающего сообщества [7, 9, 12, 13, 14, 15]. Одной из задач государственной миграционной политики Российской Федерации является содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом (Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года).

Новая социокультурная среда оказывает непредсказуемое и неподконтрольное на мигрантов воздействие, вызывая сложности процесса адаптации, и препятствуя успешной интеграции в принимающее сообщество [3, 5, 8]. Оказавшись в другой этнокультурной и языковой среде, одна категория мигрантов эффективно ориенти-

руется в новой ситуации, проявляет самостоятельность, оптимизм, а другая, испытывает психологические трудности, проявляет пассивность, беспомощность, равнодушие вместо инициативы, легко впадают в уныние и даже депрессию [1, 2, 4]. Пессимистические ожидания последних, оказываются препятствием для их социально-психологической адаптации. Особенно важно, что последствиями деструктивной адаптации могут выступать такие социальные явления как этнический национализм, религиозные конфликты, утрата национальной и культурной идентичности, что в целом приводит к мировым политическим и экономическим кризисам, уязвимости людей, снижение их субъективного благополучия, уровня счастья и удовлетворенности жизнью граждан различных стран.

Уязвимость мигрантов и их семей, неблагоприятное течение процесса адаптации может быть обусловлена такой системной характеристикой личности как личностная беспомощность. Как системная характеристика личности личностная беспомощность может затруднять процессы адаптации мигрантов к новым условиям, тогда как противоположная ей – самостоятельность, наоборот, способствовать успешной их интеграции, активному включению в принимающее общество. Поэтому для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов представляется важным и актуальным изучить личностные особенности мигрантов, выражающиеся в культурно-этническом своеобразии личностной беспомощности/самостоятельности.

Цель исследования: изучить культурно-этнические особенности личностной беспомощности и самостоятельности на материале мигрантов Центральной Азии и граждан России.

Обзор литературы

Концепция личностной беспомощности активно разрабатывается в отечественной психологии (Д.А. Циринг, Е.В. Веденева, Ю.В. Честюнина (Яковлева), Е.А. Евстафеева, И.В. Пономарева, М.О. Климова, Я. Н. Пахомова (Сизова) и др.). Под личностной беспомощностью автор концепции Д.А. Циринг понимает «системное

качество субъекта, включающее в себя пессимистический атрибутивный стиль, склонность к таким невротическим нарушениям, как депрессия и повышенная тревожность, пониженную самооценку, а также ряд особенностей эмоциональной, мотивационной, когнитивной и волевой сфер личности и характеризующее «низкий уровень субъектности» [17]. Личностная беспомощность определяет особенности взаимоотношений человека, проявляясь в виде трудностей в установлении и сохранении контакта с другими, в виде неудовлетворенности этими отношениями. Кроме того, беспомощность личности проявляется в поведении субъекта пассивностью, в деятельности – снижением её успешности. Индивид с личностной беспомощностью часто оказывается в условиях, которые воспринимаются им как неподконтрольные как в силу объективных причин, так и в силу особенностей его системы убеждений, эмоциональных реакций и всей организации внутреннего мира, отношения к миру в целом [16]. В силу выраженности пессимистических ожиданий, заниженной самооценки и зависимости от окружающих субъект с личностной беспомощностью испытывает трудности в целеполагании, достижении своих целей, в преодолении препятствий и сложных жизненных ситуаций, не проявляя гибкости и настойчивости в поведении, чаще демонстрируя пассивность.

Противоположным личностной беспомощности системным качеством является самостоятельность, по своему психологическому содержанию включающая оптимистический атрибутивный стиль, отсутствие подверженности депрессии и повышенной тревожности, адекватную или повышенную самооценку, а также ряд особенностей эмоциональной, мотивационной, когнитивной и волевой сфер личности, характеризующая высокий уровень субъектности. Если субъект с личностной беспомощностью подвержен депрессии, апатии, характеризуется низкой стрессоустойчивостью и уверенностью в бесполезности своих действий, то самостоятельный субъект проявляет уверенность в возможности контролировать события, ответственность, целеустремленность, настойчивость, оптимистичность, креативность, уверенность в себе, гибкость и выраженную мотива-

цию достижения. Самостоятельность обуславливает высокую успешность деятельности, проявляется в виде активных и эффективных стратегий поведения, а также в умении выстроить благополучные взаимоотношения с другими людьми.

Личностная беспомощность, ограничивая способности человека преобразовывать окружающую действительность и собственную жизнь, ограничивает в том числе и его адаптационные возможности. Субъект с личностной беспомощностью обнаруживает низкий уровень гибкости в поведении, что отражается на процессах адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Личностная беспомощность как системное качество субъекта обуславливает возникновение у последнего состояния выученной беспомощности – ситуативной реакции, когда индивид не способен справиться с трудной жизненной ситуацией, адаптироваться к новым условиям, испытывает тревогу, депрессию. Говоря о разнице между понятиями «выученная беспомощность» и «личностная беспомощность», стоит отметить, что выученная беспомощность рассматривается как состояние, возникающее в качестве реакции на неудачу, травмирующие события, а личностная беспомощность как устойчивая характеристика личности [17]. Так, в процессе адаптации при переезде в другую страну субъект с личностной беспомощностью, сталкиваясь с новыми неподконтрольными явлениями (поиск жилья, работы, новый темп и образ жизни, другая культура и особенности взаимоотношений и т.п.), может испытывать состояние выученной беспомощности – состояние деятельной пассивности, что может отразиться на успешности адаптации.

Вопросам понимания природы личностной беспомощности и самостоятельности посвящен ряд работ Д.А. Циринг и И.В. Пономаревой [10, 16, 17]. В качестве факторов риска формирования личностной беспомощности авторы рассматривают особенности нервной системы, генетически унаследованные особенности психики, травмирующие события могут выступать. Ученые отмечают, что наличие нарушений в стиле воспитания родителей является основным фактором возникновения личностной беспомощности у детей.

Личностная беспомощность преимущественно формируется при определенных типах дисгармоничных семейных взаимоотношений: жестокое обращение, противоречивый стиль воспитания, доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность [17]. Говоря об особенностях семейного воспитания, как фактора формирования личностной беспомощности, важно отметить влияние культуры на семью. Специфика культуры конкретного государства, той или иной этнической группы выступают важными факторами в становлении субъекта, «оказывают влияние на поведение и деятельность индивида, начиная от характера решения повседневных вопросов и заканчивая особенностями личной, семейной и профессиональной деятельности» [11]. Так, семья, ценности семейной жизни, особенности детско-родительских взаимоотношений могут отличаться в разных культурах и этносах. Соответственно, личностные особенности, в том числе личностная беспомощность и самостоятельность, формирующиеся в семье, в разных культурах могут иметь различные отличительные особенности, разную степень выраженности.

Таким образом, личностная беспомощность и самостоятельность представляют собой две противоположные характеристики личности, определяющие специфику её взаимодействия с миром. В вопросе формирования указанных системных характеристик ведущую позицию занимает – среда, которая может выражаться в особенностях семейного воспитания. Данное исследование посвящено выявлению культурно-этнического своеобразия личностной беспомощности и самостоятельности на материале мигрантов Центральной Азии и граждан Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

Исходя из актуальности проблемы миграции, необходимости разработки и внедрения программ адаптации мигрантов, имеющихся предпосылок исследования личностных особенностей мигрантов, была сформулирована цель данной работы: изучить культурно-этнические особенности личностной беспомощности и самостоятельности

на материале мигрантов Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) и граждан России. Реализация данной цели позволит развить концепцию личностной беспомощности, обнаруживая новые данные о природе личностной беспомощности и самостоятельности, создать теоретическую базу для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов.

Общая схема эмпирического исследования определялась целью работы. В соответствии с целью исследования выборку составили две группы респондентов: мигранты Центральной Азии (N=222, средний возраст 20,84, медиана 20) и граждане Российской Федерации (N=182, средний возраст 17,37, медиана 16).

Для изучения культурно-этнических особенностей личностной беспомощности и самостоятельности были сформированы две группы респондентов: испытуемые с личностной беспомощностью и испытуемые с самостоятельностью. Испытуемые с промежуточными показателями в исследовании участие не принимали. Информация о количестве респондентов в каждой группе представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Сводные данные выборки исследования

Категория испытуемых	Пол		Количество испытуемых
	мужской	женский	
Граждане России	64	118	182
– с личностной беспомощностью	18	46	64
– с самостоятельностью	27	33	60
– с промежуточными значениями	19	39	58
Мигранты Центральной Азии	108	114	222
– с личностной беспомощностью	29	27	56
– с самостоятельностью	48	46	94
– с промежуточными значениями	31	41	72

В качестве методов исследования выступили анкетный опрос, метод тестирования, методы математической обработки данных. Тестирование и анкетный опрос проводились в индивидуальной форме. Анкета позволила собрать данные о социо-демографиче-

ских показателях. В качестве методики исследования использовался опросник личностной беспомощности (М.О. Климова, Д.А. Циринг). Математические методы статистической обработки данных представлены методами описательной статистики, непараметрическими методами сравнения (U-критерий Манна-Уитни).

Результаты и их обсуждение

Личностная беспомощность, представляя собой системный феномен, интегрирует в себе особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сфер личности и включает в свою структуру четыре компонента соответственно: когнитивный, мотивационный, эмоциональный и волевой. Каждый из компонентов включает ряд показателей. Так, когнитивный компонент личностной беспомощности представлен показателями пессимистического атрибутивного стиля, ригидности мышления, продуктивности дивергентного мышления, мотивационный компонент включает экстернальный локус контроля, низкий уровень притязаний, мотивацию избегания неудач, низкую самооценку, эмоциональный компонент – повышенную тревожность, эмоциональную неустойчивость, склонность к депрессии, выраженность астении. Самостоятельность имеет структуру, состоящую из аналогичных компонентов, но с противоположными показателями. В данной работе с целью изучения культурно-этнических особенностей личностной беспомощности и самостоятельности у мигрантов Центральной Азии и граждан России были проанализированы отличия в выраженности компонентов изучаемых личностных качеств.

В ходе проведенного исследования культурно-этнических особенностей самостоятельности у мигрантов Центральной Азии и граждан России были выявлены различия в ряде показателей (рисунок 1).

Согласно полученным данным, у респондентов из России с самостоятельностью в меньшей степени развиты показатели дивергентного мышления, им в большей мере характерны экстернальный локус контроля, низкий уровень притязаний, эмоциональная неустойчивость и склонность к депрессии. Испытуемых из стран Цен-

тральной Азии, характеризующихся самостоятельностью, отличаются низкой самооценкой, низким уровнем самообладания и настойчивости.

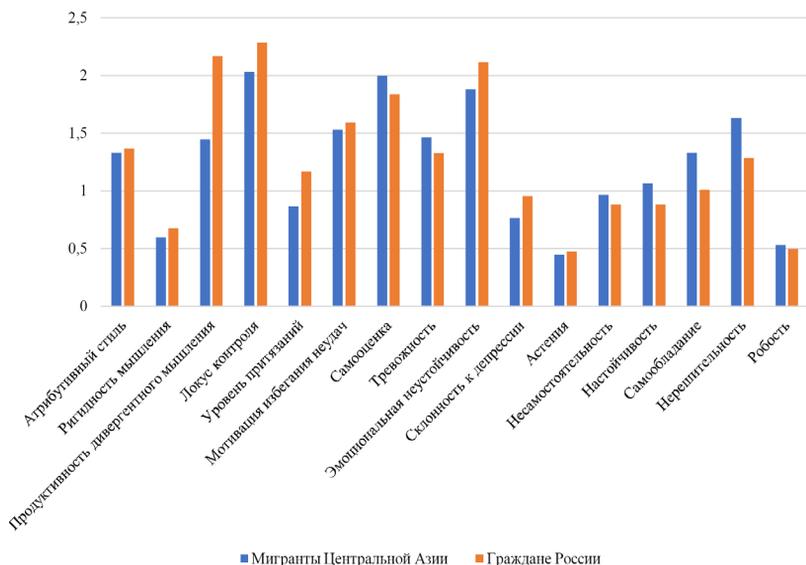

Рис. 1. Средние значения выраженности показателей самостоятельности у респондентов из Центральной Азии и России

Для оценки значимости различий был проведен сравнительный анализ в группах испытуемых с самостоятельностью (таблица 2).

Таблица 2.

Особенности самостоятельности у респондентов из Центральной Азии и России

Показатели самостоятельности	Среднее значение (M)		U	p
	Мигранты Центральной Азии	Граждане России		
Высокая продуктивность дивергентного мышления	1,45	2,17	2147	0,011
Высокий уровень притязаний	0,867	1,170	2307	0,042

Статистически значимые различия в изучаемых группах обнаружены по двум показателям: высокая продуктивность дивергент-

ного мышления (когнитивный компонент самостоятельности) и высокий уровень притязаний (мотивационный компонент самостоятельности). По показателям волевого и эмоционального компонентов самостоятельности значимых различий не было обнаружено. Следует подчеркнуть особенность интерпретации результатов, отраженных в таблице 1: чем выше значение того или иного показателя, тем меньше данное качество проявляется у респондентов. Так, у граждан России с самостоятельностью творческое (дивергентное) мышление развито в меньшей степени, им сложнее искать нестандартные способы решения проблем, выдвигать неординарные идеи и новые способы разрешения задачи. Кроме того, им в большей степени присущ низкий уровень притязаний по сравнению с мигрантами Центральной Азии. Данные результат говорит о том, что самостоятельные респонденты из России при постановке той или иной цели снижают её сложность, думая, что не способны на большее, имеют немного возможностей для её реализации. Полученные результаты не исключают наличие творческого мышления и возможности ставить адекватные возможностям цели деятельности у самостоятельных респондентов из России, однако, говоря о культурной специфике самостоятельности, можем отметить, что культура Центральной Азии способствует формированию творческого мышления и высокого уровня притязаний у своих жителей, характеризующихся самостоятельностью.

Далее нами были проанализированы результаты диагностики показателей личностной беспомощности в группах испытуемых-мигрантов Центральной Азии и граждан России с личностной беспомощностью (рисунок 2).

Анализируя показатели личностной беспомощности в изучаемых группах, можем отметить, что у граждан России с личностной беспомощностью выше показатели пессимистического атрибутивного стиля и экстернального локуса контроля. Респонденты из Центральной Азии с личностной беспомощностью характеризуются более низким уровнем самооценки, самообладания, настойчивости и более высокой склонностью к депрессии.

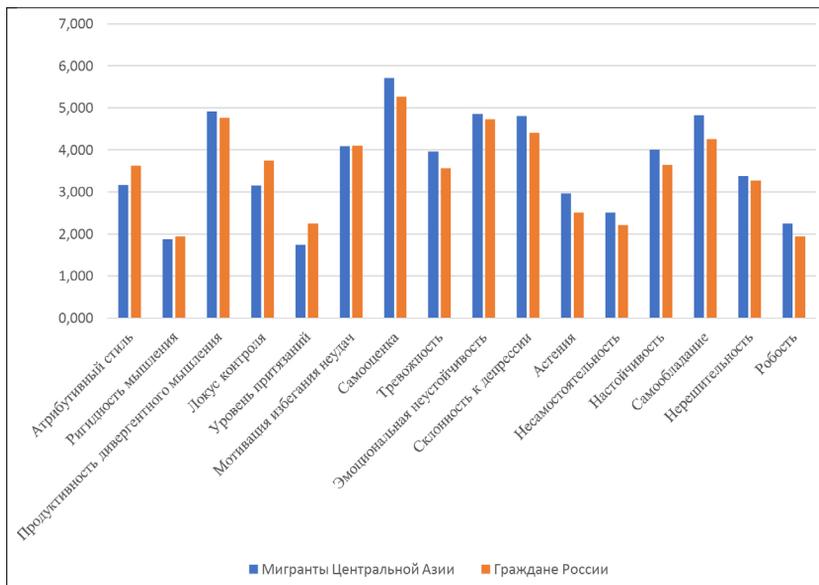

Рис. 2. Средние значения выраженности показателей личностной беспомощности у респондентов из Центральной Азии и России

С целью оценки значимости различий изучаемых показателей в группах испытуемых с личностной беспомощностью был проведен сравнительный анализ (таблица 3).

Таблица 3.

Особенности личностной беспомощности у респондентов из Центральной Азии и России

Показатели личностной беспомощности	Среднее значение (M)		U	p
	Мигранты Центральной Азии и граждан России	Граждане России		
Экстернальный локус контроля	3,156	3,750	1317	0,010
Низкий уровень притязаний	1,750	2,250	1346,5	0,015
Астенция	2,969	2,518	1382	0,025

Респонденты с личностной беспомощностью, проживающие ранее в культурных условиях Центральной Азии, характеризуются

более высоким уровнем астении (эмоциональный компонент личностной беспомощности), меньшей выраженностью экстернального локуса контроля и более высоким уровнем притязаний (мотивационный компонент личностной беспомощности), чем респонденты с личностной беспомощностью из России. По показателям когнитивного и волевого компонентов личностной беспомощности значимых различий не было обнаружено.

Лицам с выраженной астенией свойственно быстро утомляться и чувствовать усталость после выполнения обычной для них нагрузки. Культура Центральной Азии оказывает свое влияние на уровень притязаний не только у жителей с самостоятельностью, но и с личностной беспомощностью, по сравнению с культурой России. Экстернальный локус контроля – психологическая особенность, заключающаяся в приписывании субъектом ответственности за события своей жизни и свои личностные характеристики внешним факторам среды, окружающим людям, случаю – характеризует всю выборку испытуемых с личностной беспомощностью, однако у граждан России он имеет более высокий показатель.

Заключение

Процесс адаптации требует от индивида мобилизации личностных ресурсов. Успешность адаптации зависит не столько от внешних факторов, сколько от внутренних характеристик субъекта. Личностные особенности, обуславливая поведение, деятельность и взаимоотношения мигранта, могут способствовать либо препятствовать процессу адаптации и интеграции в принимающее сообщество. В ходе проведенного исследования обнаружено, что у граждан России с самостоятельностью дивергентное мышление развито в меньшей степени, чем у мигрантов, которым также присущ более высокий уровень притязаний. Также выявлено, что граждане России с личностной беспомощностью отличаются менее выраженной астенией, большей степенью экстернальности локуса контроля и более низким уровнем притязаний, чем личностно беспомощные респонденты из Центральной Азии. Таким образом,

культурные и этнические особенности Центральной Азии обуславливают специфику личностной беспомощности и самостоятельности своих жителей. Изучение культурно-этнической специфики личностной беспомощности и самостоятельности позволяет развить концепцию личностной беспомощности, вписать результаты кросс-культурного исследования в этнопсихологическую область знаний, а также создать теоретическую базу для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-013-00949А Культурно-этнические детерминанты самостоятельности-личностной беспомощности молодежи России и стран ближнего зарубежья (на материале мигрантов из Центральной Азии)).

Список литературы

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 12.08.2021).
2. Короткина Е.Д. Влияние ценностных ориентации мигрантов на успешность адаптации к новой культурной среде // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Материалы Пятой Международной научной конференции. Смоленск: Издательство Смоленского гуманитарного университета. 2016. С. 89-92.
3. Миронов А.В. Этническая идентичность как фактор формирования самоотношения личности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 116–119.
4. Пахомова Я. Н., Пономарева И. В. Особенности культурных ценностей мигрантов центральной Азии с личностной беспомощностью и самостоятельностью // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 12. С. 111-114. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2020.12.30>

5. Пономарева И.В. Личностная беспомощность подростков из семей с нарушениями взаимоотношений: дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 164 с.
6. Сизова Я.Н., Евстафеева Е.А. Культурно-этнический фактор формирования личностной беспомощности: теоретические предпосылки исследования // «Общество: социология, психология, педагогика». 2019. № 10. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.10.12>
7. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 40–63.
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2009. 368 с.
9. Татарко А.Н. Политика интеграции мигрантов, воспринимаемая угроза и доверие в обществе: исследование в России и европейских странах // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского. 2019. С. 299-300.
10. Татарко А.Н. Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 33-43. <https://doi.org/10.17759/chrp.2018140204>
11. Циринг Д.А. Концепция личностной беспомощности с позиции субъектно-деятельностного подхода // Психология человека в современном мире. Том 4. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г. / Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, М.И. Воловикава, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 378 с.
12. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности. М.: Академия, 2010. 410 с.
13. Bieda A., Hirschfeld G., Schönfeld P., Brailovskaia J., Zhang X. C., Margraf J. Universal happiness? Cross-cultural measurement invariance

- of scales assessing positive mental health // Psychological Assessment. 2017. Vol. 29, No 4. P. 408–421. <https://doi.org/10.1037/pas0000353>
14. Sandell E.J., & Tupy S.J. Where Cultural Competency Begins: Changes in Undergraduate Students' Intercultural Competency // International Journal of Teaching and Learning in Higher Education. 2015. Vol 27, No. 3. P. 364-381.
 15. Suslova T. F. Adaptation of migrants: understanding the problem in the context of a constructivist approach // International research journal. 2016. Vol. 9 (51). P. 100-103. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.037>
 16. Verhoeven M. Multiple Embedded Inequalities and Cultural Diversity in Educational Systems: A Theoretical and Empirical Exploration // European Educational Research Journal. 2011. Vol. 10, No 2. P. 189-203.
 17. Warikoo N., Carter P. Cultural Explanations for Racial and Ethnic Stratification in Academic Achievement: A Call for a New and Improved Theory // Review of Educational Research. 2009. Vol. 79, No 1. P. 366-394.

References

1. *Koncepciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom RF ot 13 iyunya 2012 g.)* [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the President of the Russian Federation on June 13, 2012)]. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (accessed 12.08.2021).
2. Korotkina E.D. Vliyanie cennostnyh orientacii migrantov na uspeshnost' adaptacii k novej kul'turnoj srede: Teoreticheskie problemy etniceskoj i krosskul'turnoj psihologii. Materialy Pyatoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The influence of migrants' value orientations on the success of adaptation to a new cultural environment: Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology. Materials of the Fifth International Scientific Conference]. Smolensk: Izdatel'stvo Smolenskogo gumanitarnogo universiteta, 2016, pp. 89-92.
3. Mironov A.V. Etnicheskaya identichnost' kak faktor formirovaniya samootnosheniya lichnosti [Ethnic identity as a factor in the formation of

- a person's self-attitude]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, № 11, pp. 116–119.
4. Pakhomova YA. N., Ponomareva I. V. Osobennosti kul'turnyh cennostej migrantov central'noj Azii s lichnostnoj bespomoshchnost'yu i samostoyatel'nost'yu [Features of cultural values of Central Asian migrants with personal helplessness and independence]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition], 2020, no. 12, pp. 111-114. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2020.12.30>
 5. Ponomareva I.V. *Lichnostnaya bespomoshchnost' podrostkov iz semej s narusheniyami vzaimootnoshenij* [Personal helplessness of adolescents from families with relationship disorders]. M., 2013, 164 p.
 6. Sizova Ya.N., Evstafeeva E.A. Kul'turno-etnicheskij faktor formirovaniya lichnostnoj bespomoshchnosti: teoreticheskie predposylki issledovaniya [Cultural and ethnic factor of the formation of personal helplessness: theoretical prerequisites for research]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2019, no. 10. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.10.12>
 7. Soldatova G.U. *Psihologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension], M., 1998, pp. 40–63.
 8. Stefanenko T.G. *Etnopsihologiya* [Ethnopsychology]. M., 2009, 368 p.
 9. Tatarko A.N. Politika integracii migrantov, vosprinimaemaya ugroza i doverie v obshchestve: issledovanie v rossii i evropejskih stranah [The policy of integration of migrants, perceived threat and trust in society: a study in Russia and European countries]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati akademika RAO A.V. Petrovskogo* [Social psychology and society: history and modernity. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences A.V. Petrovsky], 2019, pp. 299-300.
 10. Tatarko A.N. Social'nyj kapital i akkul'turacionnye strategii kak faktory sociokul'turnoj adaptacii migrantov iz Central'noj i Srednej Azii v moskovskom regione [Social capital and acculturation strategies as fac-

- tors of socio-cultural adaptation of migrants from Central and Central Asia in the Moscow region]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology], 2018, vol. 14, no. 2, pp. 33-43. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204>
11. Tsiring D.A. Koncepciya lichnostnoj bespomoshchnosti s pozicii sub"ektno-deyatel'nostnogo podhoda [The concept of personal helplessness from the position of the subject-activity approach]. *Psihologiya cheloveka v sovremennom mire. Tom 4. Materialy Vserossijskoj yubilejnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu so dnya rozhdeniya S. L. Rubinshtejna, 15-16 oktyabrya 2009 g.* [Human psychology in the modern world. Volume 4. Materials of the All-Russian jubilee scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of S. L. Rubinstein, October 15-16, 2009]. editors: A. L. Zhuravlev, M. I. Volovikava, L. G. Dikaya, Yu. I. Alexandrov. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2009, 378 p.
 12. Tsiring D.A. *Psihologiya lichnostnoj bespomoshchnosti* [Psychology of personal helplessness]. M.: Akademiya, 2010, 410 p.
 13. Bieda A., Hirschfeld G., Schönfeld P., Brailovskaia J., Zhang X. C., Margraf J. Universal happiness? Cross-cultural measurement invariance of scales assessing positive mental health. *Psychological Assessment*, 2017, vol. 29, no. 4, pp. 408–421. <https://doi.org/10.1037/pas0000353>
 14. Sandell E.J., & Tupy S.J. Where Cultural Competency Begins: Changes in Undergraduate Students' Intercultural Competency. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*, 2015, vol. 27, no. 3, pp. 364-381.
 15. Suslova T. F. Adaptation of migrants: understanding the problem in the context of a constructivist approach. *International research journal*, 2016, vol. 9 (51), pp. 100-103. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.037>
 16. Verhoeven M. Multiple Embedded Inequalities and Cultural Diversity in Educational Systems: A Theoretical and Empirical Exploration. *European Educational Research Journal*, 2011, vol. 10, no. 2, pp. 189-203.
 17. Warikoo N., Carter P. Cultural Explanations for Racial and Ethnic Stratification in Academic Achievement: A Call for a New and Improved Theory. *Review of Educational Research*, 2009, vol. 79, no. 1, pp. 366-394.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Пономарева Ирина Владимировна, старший научный сотрудник,

кандидат психологических наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет; Челябинский государственный университет

пр. Ленина, 36, г. Томск, Томская область, 634050, Российская Федерация; ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская область, 454001, Российская Федерация
ivp-csu@ya.ru

Пахомова Яна Николаевна, научный сотрудник, кандидат психологических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет; Челябинский государственный университет

пр. Ленина, 36, г. Томск, Томская область, 634050, Российская Федерация; ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская область, 454001, Российская Федерация
sizova159@ya.ru

Евстафеева Евгения Александровна, старший научный сотрудник, кандидат психологических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет; Челябинский государственный университет

пр. Ленина, 36, г. Томск, Томская область, 634050, Российская Федерация; ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская область, 454001, Российская Федерация
evgeniy-eg@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Ponomareva, Senior Researcher, Laboratory of psychophysiology, Ph.D. in Psychology, Associate Professor

National Research Tomsk State University; Chelyabinsk State University

36, Lenin Ave., Tomsk, Tomsk Region, 634050, Russian Federation; 129, Bratiev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region, 454001, Russian Federation

ivp-csu@ya.ru

SPIN-code: 8645-9023

ORCID: 0000-0001-8600-3533

ResearcherID: E-8773-2017

Scopus Author ID: 57200443546

Yana N. Pakhomova, Researcher, Laboratory of psychophysiology, Ph.D. in Psychology

National Research Tomsk State University; Chelyabinsk State University

36, Lenin Ave., Tomsk, Tomsk Region, 634050, Russian Federation; 129, Bratiev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region, 454001, Russian Federation

sizova159@ya.ru

SPIN-code: 2960-1491

ORCID: 0000-0001-9000-7238

ResearcherID: B-4702-2018

Scopus Author ID: 57200443965

Evgeniya A. Evstafeeva, Senior Researcher, Laboratory of psychophysiology, Ph.D. in Psychology

National Research Tomsk State University; Chelyabinsk State University

36, Lenin Ave., Tomsk, Tomsk Region, 634050, Russian Federation; 129, Bratiev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region, 454001, Russian Federation

evgeniy-eg@mail.ru

SPIN-code: 4038-0601

ORCID: 0000-0001-9867-0130

ResearcherID: O-2649-2016